

Тайна города

«Мицубиси» стального цвета оставлял клубы серой пыли, несясь по деревенской извилистой, как след от огромной змеи, дороге. Последний поворот, резкий подъём, и сверкая под ярким солнцем, джип выскочил на трассу. Пулей рванул, разрезая окружающую зелень.

Стрелка спидометра подбиралась к отметке «110». Андрею хотелось выжать из машины всё, сколько возможно, лишь бы оказаться поскорей рядом с ней. Шесть месяцев они вместе. Два дня, два несчастных дня без неё. Он согласился оставить Марину только ради сестры Ирен. И жалел, что она захотела ехать, услышав, как его друзья планируют поездку на Аю. А Марина не может поехать с ними, потому что в проклятом медицинском институте, не так как в других учебных учреждениях их города, сдают сессию. От этих мыслей его передернуло, в сердце камнем отозвалась тоска, и он со злостью вдавил педаль газа.

Солнце окончательно распустилось, ослепительными лепестками проникая в темноту лесного массива.

Ирен, плотная миловидная брюнетка, упершись лбом в стекло, созерцала сосновый лес за обочиной дороги. Не могла поверить, что есть места такие же красивые, как и в её любимой Словакии. «Просто чудо», — думала она про озеро Ая, откуда они ехали, с его Змеиным островом в самом центре и беседкой. Хотела сравнить те же окрестности родной Братиславы с окрестностями Бийска, но отмела эти мысли, подумав, что это глупо. Каждое место по-своему красиво.

На переднем сиденье рядом с Андреем коротко стриженный с обнаженным торсом Роман. Одним махом допил пиво «Балтики 7» из жестяной банки, смял, швырнул ее в окно и вяло, с протяжной отрыжкой сказал:

— Слушайте, предлагаю через неделю на Телецкое, — и достал из-под ног следующую банку.

— А что это? — спросила Ирен

— Это кристально чистое озеро. Среди гор и скал в глубине Алтая. Очень красивое. До дна которого так и не достали до сих пор, — сказал Андрей.

Там ещё утопленники, как поплавки, не тонут, — добавил Рома.

Дмитрий мотнул кучерявой головой, приоткрыл глаза и прогудел скрипучим басом с заднего сиденья:

— Согласен. Только от гульбы отойдём.

— А зачем отходить, ха-ха-ха! — загоготал Роман.

— А давайте называть Рому «Конь». Не потому, что ржёт, а от здоровья как у коня, — вставила Лена. Она навалилась на Олега, держась за свою раскалывающуюся от похмелья голову. Олег открыл покрасневшие глаза и нервно сказал:

— Куда хотите, только сейчас давайте поскорей домой.

— Я с удовольствием, — очень чётко проговорила Ирен, выделяя каждое слово как бы заикаясь, и добавила, — а в городе, за мостом, стоит старинное двухэтажное здание отдельно от всех, это что?

— Это музей и начало старого города. За ним чуть дальше церковь. Видела? Недавно отреставрировали. Мне кажется, она что-то потеряла, стала похожа на все остальные постройки, — ответил Дима.

— Сейчас. А раньше, ещё при Петре Первом, музей был таможней. А храм был из древнего красного кирпича. Теперь его просто спрятали за штукатуркой, вот он и не кажется таинственным, как раньше. Знаешь, откуда я это знаю? — говорил

Андрей. — Наша бабушка занималась историей города для музея. Она учительницей была.

— Понятно, мне это очень интересно, — сказала Ирен.

— Андрей, ты куда так гонишь, разобьемся, опять колёс наглотался? — процедила Лена.

Андрею хотелось сказать: «Дурочка, следи за языком», но промолчал, не хотел производить на сестру плохое впечатление. Он иногда глотал таблетки. Временами ему даже казалось, что уже не может не пить. Но, прячась за толстой иллюзией «если только захочу, перестану», успокаивался. Однако сейчас все было по-другому, ведь он встретил её, свою любовь Марину. Андрей выхватил банку из рук Романа, сделал пару больших глотков и вернул. Потом поставил диск Цоя и врубил на полную.

И все подхватили:

Белый снег, серый лёд
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на нем,
Город в дорожной петле...

Ирен не знала ни этой песни, ни группы, исполняющей её. Ей просто было весело смотреть на друзей своего двоюродного брата. Она сделала глоток фанты, достала мобильный... и всё куда-то пропало. Когда она очнулась, они въезжали в город.

Пронеслись через мост, и как раз у самого здания музея Андрей резко затормозил. Выскочил из машины.

— Ты что! — завопили из салона, но тут же затихли. Улицы были пусты, ни одного человека. А вместо солнечного дня их окружало светло-серое марево. Словно мир, пока они ехали, успел потерять все краски. Небо превратилось в тяжелую, ртутную, волнистую массу, от которой шло серое свечение.

Роман

— Пашка! Пашка! — кричал холодным тоном Рома, сидя на кухне с паяльником и электрическим чайником в руках. Он слегка прищурил левый глаз, остерегаясь струйки дымка от канифоли, шмыгнул большим с горбинкой носом и снова крикнул:

— Пашка!

— Чего, — отозвался Павел из соседней комнаты.

— Иди сюда.

Через некоторое время показался невысокий мальчишка с круглым лицом, маленькими глазками и большими бровями, соединенными вместе у переносицы.

— Пашка, я не понял, почему бабушку не слушаешь, а?

— Да она, какие-то глупости говорит.

— Какие глупости, — заорал Роман и ударил ладонью его по затылку. — Она что-то глупое говорила, когда звала тебя домой? Делать уроки — это глупости? Скажи, глупости?

Павел опустил голову, покраснев.

— Паха, смотри у меня, бабулю слушаться, понял? Если что не так, говоришь мне и мы вместе разбираемся, понял?

— Понял, — тихо ответил Паша.

Уселись в автомобиль. Андрей повернул ключ зажигания. Тишина. Ещё и ещё.

— Да что тут такое, — закричал он и стал стучать кулаками по рулю.

— Гадина, заводись, заводись, — сдавленным голосом хрипел он. Роман выбросил зажигалку, — похоже, здесь ни черта не работает, — говорил он, держа во рту незажжённую сигарету.

— Может, война, третья мировая, — предположил Дмитрий.

— Типа ядерная, что-то резковато, ни взрыва, ни вспышки, ни ударной волны, — обхватив руками голову, сказала Лена.

— Типа ты умная, в МГУ, тусуешься, всё знаешь, да! — заорал Дмитрий, добавляя — ненормальная.

— Ты, тупой, это как дважды два, любой школьник знает, что происходит при ядерном взрыве.

— Идиотка, я просто предположил одну из версий. А ты начала язвить, ненавижу это в тебе.

— Ладно уже, задолбали своими разборками, — вмешался Андрей, — короче, тогда пешком. В принципе можем всей толпой по очереди к друг другу.

Все согласились.

Роман по-прежнему с сигаретой во рту. Ирен съежилась, обхватив себя руками, словно замерзла. Андрей в глубоком размышлении сдвинул брови, пытаясь понять происходящее. Олег с озабоченным видом, с взъерошенной шевелюрой, хотел поскорей добраться до больницы. Лена взяла себя в руки, пытаясь настроиться на благополучный исход их путешествия, растирала ладони. Дмитрий, озираясь по сторонам, словно что-то, предчувствуя, хотел разглядеть хоть какой-то признак жизни.

— Тогда сначала ко мне, — сказал Рома.

Идя быстрым шагом, они с надеждой всматривались в пустынные улицы, здания. На центральной дороге им открывался вид на длинный дом, тянувшийся до самого дворца администрации города. От него начинался Ломоносовский бульвар. Со скамейками, фонтаном в самом центре, и небольшими кустарниками, ровными рядами обрамляющими весь бульвар. С левой стороны, на самом углу пятиэтажного дома, показались огромные буквы «Кафе Айсберг». И Роман произнес:

— Давайте зайдем, мороженого поедим.

Но шутку никто не оценил.

— Ты что, Рома, правда дебил или прикидываешься, не въезжаешь: мы влипли по самое не хочу, — процедила Лена

— Да пошла ты, идиотка, — он подошёл к ней и схватил за шею и нагнул вперед. Она запищала.

— Вы достали, — заорал Андрей.

— Хорош уже, без вас тошно, — вмешался Олег.

Роман отпустил её.

— Так постоянно из-за всякой фигни начинается, особенно когда надо сплотиться, — заговорил Дмитрий.

— Да пошёл ты, — ответила Лена.

— Вы достали, хорош ругаться — закричал Олег.

— Заткнись первый, — рявкнул Рома.

Нам всем надо успокоится, — сказала Ирен, — в конце концов мы живы. Мы можем не понимать, что происходит, но мы живы.

— Ты права, — сказал Роман. Он надел свою рубаху с коротким рукавом и выплюнул сигарету.

Олег идя, иногда поднимал, опускал свои покатые плечи, словно разговаривал сам с собой. Его мысли неуклонно крутились вокруг матери. А что, если он её не найдет? Или

она будет не одна в больнице, как помочь другим? И каким образом её вывозить и, главное — куда? Он представил, как найдет транспорт, например «газель» и всех, кого не эвакуировали, будет усаживать. Наверно, надо будет двигаться в сторону центра страны. Где-нибудь да будут люди, военные, Красный крест. И друзья будут с ним.

— Я думаю, это бактериологическое оружие, — сказал Дима.

— Может. Только где трупы? — добавил Андрей.

— Теоретически можно предположить, что всех эвакуировали перед чем-то глобальным, уничтожающим живые организмы. Хотя я сильно сомневаюсь — эвакуация в нашей стране... Но я даже не могу представить, что это может быть, — говорила Лена, — мерзкая масса наверху, невероятная тишина и полное отсутствие какого-либо движения. Вы заметили отсутствие ветра? Город на берегу реки. У нас почти всегда ветер. Я просто не могу даже представить, что здесь произошло, — нервно закончила она, озираясь по сторонам. Волосы на её голове растрепались, и она в этот раз даже не пыталась их пригладить. Олег обнял её за плечи и сказал:

— Не волнуйся, мы, что-нибудь придумаем.

— А помните, — начал Дмитрий, — фильм «Лангольеры» по Стивену Кингу. Там они попали в будущее. И людей не было, потому что оно ещё не наступило. И им пришлось ждать, когда наступит «сейчас». А прошлое жрали эти самые лангольеры.

— Ну да, Я помню, — ответил Андрей.

Они шли быстрыми шагами. Всматриваясь в пугающую пустынную города в надежде увидеть разгадку произошедшего. В окнах домов отражалась зеркально ртутная масса неба, делая здания глазами жуткого монстра. Ребята, идя, цеплялись за разговор, надеясь, хоть как-то бороться с паникой, но чувство, что за ними наблюдают, как порыв ветра раздувал в них огонь страха, делая уязвимыми перед собственной фантазией.

— Да тут предположить можно всё, что угодно. Начиняя с инопланетян и кончая вторжением ада. Потом провалы во времени, пространстве. Не говоря уже о природных явлениях, — живо изъяснялся Андрей.

Внезапно впереди они увидели человека. Согнувшаяся в поясице фигура старика. Он опирался на длинную палку. С седой бородой. Одет в серое, наподобие халата, одеяние, подпоясанное веревкой. Он смотрел на них. Ожидая их скорого приближения. Андрей побежал к нему и за ним все остальные.

Остановившись рядом со стариком, они удивленно осматривали его, не понимая, кто это: сумасшедший или жертва произошедшего.

— Вы не знаете, что здесь произошло? — начал Андрей.

— Знаю, — ответил старик. — Ложь.

— В смысле? — не поняла Лена.

Страшно, когда веришь лжи. Хотя не ложь убивает, а отсутствие любви. Если нет любви, значит, властвует смерть.

Повисла пауза. Старик как бы чего-то выжидал, медленно переводя взгляд с одного на другого.

Он смотрел на Ирен, и ей он показался добрым сумасшедшим старичком. Ей было ужасно жаль его. И его наивные попытки помочь им, её умиляли. Она даже как-то почувствовала, что страх ушел, словно ничего и не произошло.

Затем взгляд старика упал на Олега. Глаза старика ему казались невероятно смелыми, в них была видна непонятная мудрость или, скорей всего, глубокий опыт жизни. Его вид совсем не отталкивал, а, скорей, привлекал своей загадочностью. Ему хотелось спросить, почему он так выглядит? А не что здесь случилось. Он почувствовал покой в своем сердце. Хотя разумом он понимал, что там, на другом конце города, в больнице, лежит и, может быть, сильно страдает его мать.

Старик перевел взгляд на Лену. Ей почудилось, будто это вовсе не старик. А загадочный мужчина, который загримировался под старика и хочет заманить их в ловушку. Спецслужбы проводят психотропные испытания, догадалась она. Представив себя кроликом, она передернулась. И даже, чувствуя непонятный для неё покой, ей хотелось, как можно скорей избавиться от общества старика.

Взгляд старца упал на Андрея. Он ощутил доброту старика. Но поняв, что он сумасшедший, начал думать, как лучше и быстрее обойти всех и убраться из города.

— Знаете, если хотите, можете пойти с нами. Мы хотим обойти свои семьи, может, кто-нибудь остался, и уходить из города, — сказал Андрей.

Старик не отвечал, а уставился на Романа. Который думал, что за бред несёт старик. Может, он просто спятил от произошедшего и сказал:

— Слушайте, пойдёмте с нами. Вам же лучше будет.

Продолжая молчать, старик посмотрел на Дмитрия. Ему показалось, несмотря на сумасшедший вид, старик знает всё о случившемся, но по какой-то причине не говорит. Он явно различал в его взгляде разум, но его внешность отталкивала. И брать старика с собой он считал излишним — обуза, когда и так не знаешь, что произойдет в следующую минуту.

Наконец старик продолжил с тем же спокойствием:

— Выход там, — он указал в сторону старого города. — Вы можете пойти со мной.

Они в недоумении переглянулись.

А что, все туда ушли? — спросила Лена.

— Не все, — ответил старик.

— Там что, помощь? — вмешался Андрей и наклонился к старику, надеясь, вот сейчас станет все ясно.

— Помощь здесь. Там спасение — ответил он, сделав шаг в том направлении.

Вдруг до их слуха донёсся нарастающий шквал собачьего лая. Он приближался со стороны моста. Они смотрели в ту сторону в ожидании чего-то страшного и неизбежного, которое становилось для них невыносимым. Лена попятилась назад, ей вдруг померещились страшные морды собак, воображение сорвалось с цепи, рисуя невероятно жутких тварей: с клыков стекает слюна, из открытых пастей рвется зверский лай, глаза светятся красными огоньками.

— Не-е-э-э-т, это ещё что, я не могу, — и побежала визжа, — а-а-а-а-а-а-а-а-а!

— Стой, — крикнул ей Андрей, — мы должны держаться вместе.

Но она ничего уже не слыша, бежала как ошпаренная, продолжая визжать. Андрей бросился за ней.

— Давайте ко мне, — задыхаясь, закричал Рома.

Они добежали до бульвара, перепрыгнув через небольшой заборчик, срезали путь. Знакомая пятиэтажка, первый подъезд. Позади слышался бешеный лай множества собак. Никто не смел оглянуться, чувствуя, если оглянется — погибнет. У самого подъезда Олег увидел Лену, она побежала дальше, через двор следующего дома.

— Я за ней, — крикнул Олег.

— Да брось ты эту дуру, — рявкнул Роман и влетел на второй этаж к своей квартире. Друзей рядом не оказалось: «Ну, и черт с ними, я им что, нянька, а эту дурочку я бы сам пришиб. Если бабка дома, значит и брат на месте».

Роман рылся в своих карманах, ища ключи, когда услышал крик на самом верхнем этаже подъезда. Замер. Подниматься на пятый этаж ему совсем не хотелось. Крик был мужской, и он не звал на помощь, а напоминал возглас испуга или отчаяния. Послышались медленные шаги вниз. К ним прибавился звук стука железа о бетон

лестниц. Видимо, тот, кто спускался, волочил за собой металлический предмет, ударяющийся о каждую ступеньку. Роману стало не по себе, он судорожно зашарил по джинсам. Ключи нашёл в заднем кармане, достал. Шаги с жутким звоном металла приближались, вот они совсем рядом, на площадке этажом выше. Он вставил ключ, повернул, и буквально вбежал в открытую дверь. Захлопнул, прижался ухом. Его сердце барабанило так, что ему казалось, его слышно из-за двери. Он задержал дыхание, некто приостановился на его площадке и стал спускаться ниже. Он вздохнул с облегчением. Прошёл на кухню, трясущимися руками взял стакан, открыл кран, воды нет.

— Тьфу ты, — ругнулся он. Поставил кружку на стол. Направился в комнату бабули. В темноте комнаты он различил знакомый силуэт старухи.

— Бабушка, а где Пашка?

Он потянулся включить свет, щелкнул выключатель. На мгновение лампа блеснула и погасла. Мелькнуло каменно-бледное лицо бабки с отвратительной ухмылкой. В её руке он заметил столовый нож. Рома сделал шаг назад. «Бабуля, ты что, свихнулась?» — дрожащим голосом сказал он и бросился к прихожей. Она опередила его, преградив путь. Томное ртутное освещение из окон зала позволило лучше разглядеть бабулю. Нож был окровавлен, седые волосы выбивались из-под заколки, округлившиеся глаза черны, как уголь.

«Она обезумела, только бы нечего с Пашкой не сделала», — подумал он. Она открыла рот, видимо желая что-то сказать, но из него потекла кровь. Ужас холодом пробежал по телу. Не думая, он рванул назад к балкону. Дернул со всей силой дверь. Оказавшись на балконе, перелез через перила, хотел потихоньку сползть на руках, но бабка была уже совсем рядом и занесла нож, рыча как собака. Он отпустил руки и полетел вниз. Бухнулся о землю, повредив ногу. На четвереньках пополз прочь, пытаясь встать. Наконец поднялся, хромя на правую ногу, и, морщась от боли, направился через дворы. Не осознавая, куда ковыляет, с единственной мыслью — прочь отсюда и как можно дальше.

Он шёл долго. Вдоль пустынных улиц и безжизненных окон. Где-то далеко слышался лай, но не понять откуда. «Зайти к знакомым», — подумал он. Но не решился. Может, там кто-нибудь тоже сошёл с ума, как его бабка. Он вспомнил, как они с Пашкой посмеивались, когда бабуля начинала заговариваться, называть их разными именами, рассказывая о каких-то странных событиях, якобы связанных с ними. А они со всем соглашались, сдерживая смех. Что за жизнь. Будь она проклята. Такого дерьма у меня ещё не было. Она была в крови, точно. Только бы с Пашкой всё нормально было. Ему представилось, как обезумевшая бабка тыкает ножом брата. «Да нет, если я от неё свалил, то он точно. Шарахается сейчас где-нибудь», — успокаивал он себя.

Достал сигарету. Зашарил по карманам, ища зажигалку, вспомнил, что выбросил её. И с сигаретой во рту ковылял дальше. Сейчас бы пива, а лучше водки. Наконец решил идти к давней подруге. Её дом был не так далеко, да и она, наверняка, его примет. Наткнулся на трамвайные пути. Заметил у остановки небольшой силуэт человека. Потом пламя зажигалки и прикуривающую сигарету. Обрадованный Роман направился к остановке. Он учуял дым, различил марку сигареты «Кемел». И в радостном предвкушении прибавил шаг.

Разряд ужаса молнией ударил его. Брат. Тот стоял: небольшого росточка, школьник четвертого класса. В белой футболочке, измазанной по самую горловину кровью. В одной руке он держал сигарету, другой оперся на рукоять пожарного топора.

— Ну что, брат, покурить? — прозвучал монотонный голос Павла. Роман как замороженный стоял, не в силах ни слова произнести, ни сдвинуться с места. В нем всё перевернулось. Он не мог понять, как его брат мог превратиться в такое чудовище. В его памяти понеслись картины их прошлого. Вот они на похоронах своей матери, Павел ещё

совсем маленький. Первый класс. Его капризы. Их совместные радости. Поездки. Поход в прошлом году на Чемал. Пронеслось чувство, как ему нравилось чувствовать себя старшим, главным, на ком висит вся забота о родных. Как многие из знакомых, друзей, особенно девушки, восхищались им.

Сильно затянувшись, Павел выстрелил пальцами сигарету Роману в лицо, попав в щеку. Парализованный ужасом, он хотел сказать: «Как ты можешь». Но не успел. Павел с быстротой молнии подлетел к Роману и со всего маху, словно древний викинг, снёс голову брата топором.

Неподалёку завыл пес, потом ещё один и ещё.

Черные псы сбились в кучу и всей сворой накиннулись на обезглавленное тело. А щуплая невысокая фигура шла по центру улицы, волоча топор.

Лена

Лена сидела за кухонным столом, жуя бутерброд с сыром, и одновременно нажимала клавиши ноутбука. Вошла в электронную почту. Куча сообщений с сайта одноклассников. Письмо от приятеля, и, самое главное, то, что она искала, письмо сестры. Быстро прочитав, напечатала ответ: «Вечером вылетаю. Жди. Надеюсь, мамаше будет приятно. Купила тебе подарок, сюрприз. Пока». Кликнула на «отправить» и захлопнула компьютер. Потом набрала на мобильнике номер отца.

— Алло, пап, ну как?

— Я за тобой часов в пять заеду, тетя Марина хотела со мной тебя проводить, но у неё на работе проблемы, не получилось, — раздалось из трубки.

— Ладно, буду ждать.

Выключила телефон. Бросила на диван. Пошла в ванную и принялась расчесывать крашенные белые волосы. Тонкий ровный нос придавал её лицу легкую строгость, как бы неприступность, говорящую — чтобы быть со мной, это надо заслужить. Она смотрела на себя в зеркало, понимала, что это маска, которую она устала носить. В университете полно девчонок, которые остаются самими собой. Над ними часто шутят и посмеиваются, но они, как ей казалась, обладают свободой не угождать нужным людям. Если они дружат, то как-то непринужденно, открыто, без подспудного умысла или расчета. Но они для нее все равно скучны.

Сидя в «ауди» последней модели, на переднем сиденье, она испытывала горечь от не до конца искренних её отношений с отцом. Ей хотелось просто заплакать, положив голову на плечо папы. Сказать, как ей тяжело ехать домой и что она просто не хочет снова видеть, казалось бы, родных людей.

Слушая то, что говорил ей отец, она чувствовала, как это все для неё было пустым, не настоящим. Фразы из дешёвых кинофильмов. И ничего общего не имеют с той действительностью, в которой она жила. Она думал, вот если бы рассказать ему о настоящих её чувствах. О тех к нему вопросах, которые постоянно крутились у неё в голове, например, почему он ушёл. И ещё много «почему», и «зачем»? Что тогда бы изменилось?

Всю дорогу до аэропорта она кивала головой и поддакивала.

В самолете она все пыталась понять, почему отец, который так много лет назад бросил их, теперь помогает ей, своей дочери. Может, его совесть заела. Это слишком сложно понять. Надо обязательно спросить его об этом. А вдруг он обидится и не будет больше помогать. Съём квартиры в Москве — это же бешеные деньги, да и вообще: питание, одежда. Он все оплачивает. Нет, лучше я буду помалкивать. Захочет, сам скажет.

Лена подумала о своей сестре, вспомнила, как Ниночке было три годика и неудачно спрыгнув с качели, она повредила лодыжку. Матери и отчима дома не было. И она несла сестру на руках до больницы. Вспомнила, как сестренка хвостиком бегала за ней, когда она со своими подружками хотела идти на дискотеку. Подруги предлагали убежать от неё, но ей становилось её жалко, и она оставалась с сестрой.

Дверь открыла Нина. Шустренькая, одиннадцатилетняя худенькая девочка. Кинулась на шею сестре.

— Я так соскучилась, — шепнула она на ухо Лене.

Она поставила сумку на пол в коридоре, разулась, осмотрелась. По сердцу прокатилось томное воспоминание её детства. Нина стояла рядом, словно понимая сестру, ожидая пока та придет в себя, и они повеселятся в её комнате.

Они прошли через зал в детскую.

Лена помнила эту комнату: жёлтые в горошек обои, старый стол, за которым она делала уроки, ящик с игрушками да две кровати — её и Нины. Теперь детская напоминала офис: белые стены, белый стол, такого же цвета компьютер, большой — под самый потолок — шкаф и напротив розовенький диван-книжка.

— Ничего себе! Это что, отчим расщедрился?

— Я называю его «папа», он действительно меня любит. Ну, просто, мы решили как-то изменить привычный уклад нашего быта.

Папа так говорит, да вот это он её обработал! Интересно, как мать реагирует, она за копейку удавится.

— Мама придет позже. Она на рынок пошла. А папа хочет сделать тебе сюрприз и скоро подойдет, — журчал Нинин весёлый голосок.

Лене захотелось уйти, она чувствовала себя совсем ненужной своей сестре. В её голове рассыпалась та мозаика, которую она сама себе сложила ещё до приезда, представив, как тяжело живут Нина, мать и отчим. И им нужно как-то помочь, если не всем, то, по крайней мере, своей любимой сестре.

Нина достала из стола фотоальбом, и, усевшись с сестрой на диване, принялась показывать, весело поясняя каждую фотографию.

Смотри — это мой класс. Это Анька Морозова, это Светка Мамаева — ты должна её помнить, они здесь жили в соседнем подъезде.

Она встала, надув щеки и упревая кулачки в бока:

— Вот такая была, когда злилась. Помнишь? Так смешно было.

— Как-то смутно.

— А вот, Ольга Крючкова — красавица, отличница. А это Сережка Вершняк, правда, красивый?

Лена пригляделась, интересно, кто нравится её сестре.

— Он же угрятый.

— Да, а ну и что, зато такой веселый, и с ним интересно. А вот наша классная Галина Петровна — очень хорошая.

Они перелистнула страницу.

— Это я в лагере «Солнечном» — жуткое место. А это папа нас повез в деревню к своим родителям. Правда, они умерли, — сказала Нина грустно, — но там было много родственников.

Они просмотрели весь альбом, и Нина спохватилась:

— Ой, Леночка, пойдем чаю поьем, поедим.

— Давай, — согласилась она, — я только выйду в коридор покурить.

— Ты куришь? — удивленно сказала Нина.

— Ну так, балуюсь. Очень редко.

Она встала с дивана, достала из сумочки пачку сигарет «Гламур», зажигалку и ушла.

На площадке между квартирами, пуская дым, как ей казалась очень загадочно, она подумала, не позвонить ли ей Андрею. Вечером. Сейчас надо вытерпеть общество матери и отчима. Или Димону — они единственные остались в городе из их старой компании.

****

В серой кофте, джинсах и белых найковских кроссовках, Лена напоминала девушку, вышедшую на утреннюю пробежку. Если бы не выражения её лица: Лена бежала, выпучив глаза, подняв брови и открыв рот, словно в порыве крика. Ей казалась, она бежит очень медленно, будто во сне — как бы не бежал, всё равно не убежать.

Во рту пересохло, дышать становилось всё трудней. Обессилив, она опустилась на корточки, упёршись спиной в бетонную стену пятиэтажного дома. Тяжело дыша, съёжилась в комок. Голые кустарники, деревья без листвы, как ножки гигантских насекомых. Они ведь мертвые. Куда мне идти? Я одна. Лена хотела позвать на помощь, но страх ей не дал, а вдруг её услышат псы. «Я совсем не должна была быть здесь. Моё место там, в Москве, на третьем курсе химического факультета. Грёбаная химия. Всё грёбаное. Жизнь, в первую очередь. Я просто хочу выбраться из этого города. Постоянные невероятные проблемы. Мать — гадина, не хотела отпускать меня, мол, боится за меня». Потекли слёзы, не обращая на них, она продолжала немой монолог. «Враньё все это было, от этого ещё противней. Да если это была правда, неужели я уехала бы. Она просто не хотела терять дармовую няньку. А я молчала, прикидывалась овечкой, лишь бы отпустили. Мне приходилось это делать, терпеть, постоянно следить за собой». Плача, она закрыла лицо руками. «А теперь надо встать и идти», — твердо сказала она себе.

Лена поднялась. Достала мятую пачку. Отыскала целую сигарету и прикурила. Вспомнила, глядя на зажигалку, как покупая её в Москве, думала, вот приедет в родной город, блеснет, выскажет всё матери, и уедет. Оставив после себя почет и уважение — молодец, вырвалась в люди. А тут все счастливы. И тебе надо заткнуться. Опять делать счастливый вид, угождая матери, отчиму, да и Нинке теперь тоже.

Сделав несколько шагов, она услышала чей-то голос. Он шёл со стороны проезжей части, как раз с конца дома, вдоль которого она шла. Лена прибавила шаг, надеясь встретить друзей. Прислушиваясь, начала различать слова:

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу,
Ой, доска кончается,
Сейчас я упаду.

И опять:

Идет бычок, качается...

Это детский голос, или напоминает его, решила Лена и вышла на дорогу. Ледяной ужас взорвался внутри неё. Заморозив всю опорно-двигательную систему. Перед ней в белой ночнушке, забрызганная с ног до головы кровью, стояла Нина. В левой руке, как на блюде, она держала... голову Романа. Вытянув её вперед сказала: — Лен, смотри, что я нашла, правда прикольно? Коряво ступая, будто на протезах, направилась к Лене, напевая холодным детским голоском:

— Идет бычок, качается,
Вздыхая на ходу...

Подойдя ближе, она впиалась своим жутким злобным взглядом в пораженные страхом глаза Лены. Ей казалось, это длилось вечность. В её голове пронеслось: «Почему? Неужели Нина сошла с ума?»

На бледном безжизненном лице Нины появилась косая ухмылка, она бросила голову на асфальт и, схватив Лену за шею, с невероятной силой дернула её в сторону. И звук ломающихся костей ударил во все стороны.

Дмитрий

— Дима! Дима! — кричала мать из ванной.

— Чё, мам? — подойдя, сказал парень с кудрявой головой, большими глазами и тонкими губами.

— Ты Юльку отведи в сад.

— Ну, мам, меня друзья ждут.

— Какие друзья, ты мне скажи? Я тебя прошу, хоть немного мне помочь. Нигде не работаешь. Денег в дом не несёшь. Когда ты в последний раз помогал мне, а? Вспомни, — засученными по локоть рукавами, с пеной на кистях, тяжело дыша от усилий, говорила его мать.

— Ладно, мам, прости. Мы сейчас хотим пойти с Андрюхой к его отцу.

— Ой, не знаю, твой Андрюха ни в чем не нуждается и может тянуть с работой сколько хочет. А ты нет. У тебя мать — уборщица в магазине, да сестра, которая ещё в садик ходит.

— Не волнуйся, сегодня точно. Он при мне говорил отцу.

— И куда?

— Вроде в автопарк.

— Ты можешь и без Андрея и его родни туда пойти.

— Да ладно, там места все забиты. Только по знакомству.

— Делай, что хочешь, сестру только отведи, я действительно не могу.

— Хорошо, до вечера, — на ходу сказал Дмитрий.

Прохладный ветерок колыхал листву деревьев. Глядя на неё он подумал, как здорово будет, когда он станет настоящим писателем. Пока у него не получается создать что-то серьезное, одни сказки, но со временем... Да и что такое сказки. То ли дело Кинг. Страшно и со смыслом. Или «Бойцовский Клуб» Паланика — это круто. А «Собачье сердце» Булгакова. Надо читать и писать. Он шёл и повторял про себя как молитву: «Читать и писать, читать и писать, читать и писать».

Он отвел сестру в детсад «Ласточка», и когда он завел в группу, наклонился к ней, сказал:

— Ну, ладно, я пойду, — потом помедлив, добавил, — у нас всё будет хорошо.

Сестрёнка смотрела на него кругленькими глазками, немного не понимая, к чему это он.

— Разве у нас не всё хорошо?

Он хотел её обнять, но постеснялся и ушёл.

С Андреем они договорились встретиться на площади «Детского мира». И ему пришлось идти через дворы, мимо огромного дворца, который назывался совсем не по дворцовски — «Химики». Перед парадным входом, на небольшой площади был фонтан. Солнечные лучи играли в его струях, пуская множество солнечных зайчиков. Дмитрий любил наблюдать за этой игрой солнца и воды. Усматривая в этом настоящее чудо. Он думал, что можно простоять здесь целую вечность, наслаждаясь, наблюдая за этой игрой. Стал размышлять, почему это настолько его завораживает? Может, потому что не похоже

на ту реальность, в которой я живу. Атмосферу. А это чудо, говорит: «Нет, жизнь может быть прекрасной». Словно доказывая мне присутствие сказки в жизни. Или жизнь и есть самая загадочная, интересная сказка. Надо только видеть. Как я сейчас вижу этот чудесный фонтан. Вот только как это сделать, как видеть? Сейчас меня ждет нужда найти работу. Надеюсь, Андрюха не подведет. Потом страх за Юлечку, за мать. Страх потерять лицо, быть униженным. Просто страх откуда-то. Может я псих, шиз какой-нибудь?

Даже если и шиз, я всё равно могу быть писателем.

Он оторвался от фонтана и пошёл дальше.

****

Дмитрий остановился у трамвайных путей. Оглядываясь по сторонам, рукавом вытер со лба пот, и двинулся вдоль рельс. Пройдя некоторое расстояние, услышал сзади хруст, будто кто-то переломил толстую ветку. Обернулся. Никого. Серые коробки домов. Безлюдные улицы, проулки, дворы.

Происходящее напоминает страшный сон. Может, мы во сне? К чёрту предположения. Только жути нагоняют. Валишь надо из города. Раздобуду рабочую технику. И в деревню. Точно! в Каракокшу к дядьке. Нет, лучше в Фаминск. Там лучше. Дома захвачу ноутбук, и в деревню — писать.

Решил идти по дворам, надеясь наткнуться на мотоцикл или автомобиль.

Пустые дворы с детскими площадками под серым свечением напоминали кадры из фильмов ужасов, они будто говорили: «Когда-то здесь играли дети, теперь властвует смерть».

Иногда под ногами хрустели сухие ветки, и тогда гадкое эхо предательски разносилось, теряясь где-то далеко, как ему казалось, в дебрях ужаса и тьмы. Он подумал о своей матери. Как она сейчас и где? Наверняка, когда началась эвакуация, она оставила всё, схватив Юлю, бросилась спасаться. Думаю, я пойму, как было, когда окажусь в квартире.

Он вспомнил, когда она прочла первую его сказку, сказала: «Мне нравится, было бы здорово, если бы ты стал настоящим писателем». Она говорила о том, чего он хотел всем своим существом. И это она не только предложила ему пойти в литературную студию, но и нашла её, кстати, единственную во всем городе, к тому же платную. И он ходил, пока она не развалилась. Моя мать мировая, действительно, всегда хотела по-настоящему помочь. Когда предлагала, то это были не просто слова, а реальные действия. Однажды они сидели поздно вечером на кухне их двухкомнатной квартире. И она сказала:

— Ты всё ещё хочешь писать?

— Да, но честно говоря, я понимаю, что не смогу стать писателем, мне кажется, это просто мечты.

— И с чего ты это решил?

— Ты пойми, когда я сажусь писать и хочу что-то создать, ничего не выходит. Я будто упираюсь в стену, — говорил он угрюмо.

— Но ведь ты такие замечательные сказки пишешь.

— Да, но это никому не интересно. Я хочу по-настоящему, О жизни, катастрофах, приключениях.

— Сынок, я читала все твои сказки и, думаю, у тебя есть талант. Ты можешь писать. Только нужно время. Ты же сам рассказывал, на студии вам Виктор Гаврилович говорил, что самое главное правило — читать и писать. Чтобы о жизни писать, надо её жить, учиться радоваться, понимать, наблюдать, а это тоже усилие над собой. Все знаменитые и не очень знаменитые, все учились. Мучились, искали, но и стали настоящими писателями потому, что шли до конца. Почитай об известных авторах, их

судьбы были не так просты, как кажется. Да хотя бы возьми Шукшина — здесь, рядом, в Сростках жил в деревне.

Она остановилась, увидев, что он задумался.

Взгляд его уже не был таким понурым как прежде, появился лучистый огонек надежды, и ей самой стало так хорошо, как очень давно уже не было.

«Мать умеет поддержать», — подумал он, идя пустынным тротуаром между домами. Ему даже стало не так страшно. Оглядевшись, он узнал район, вспомнил гостиницу, за которой была автостоянка. Обрадованный, он ускорил шаг. Обогнул дом. За ним небольшой парк, и он выскочил как раз к стоянке.

Около ворот стоял старенький «Днепр» с коляской. Пронеслось воспоминание, как пять лет назад угнал такой же со своим другом Серёгой. Он растянулся в ухмылке, подошёл к мотоциклу, ловко сел.

Огромный, зеленого цвета, с выходящими с обеих сторон двигателя выхлопными хромированными трубами. С большой круглой фарой спереди. С ключами в замке зажигания. «Дежа вю», — вырвалось у него.

Проверил положение передачи. Поставил ногу на рычаг завода, приподнявшись, резко нажал вниз. Завелся. Выжал сцепление, включил первую передачу и дал газу, медленно отпуская сцепление, тронулся.

«Днепр» ревел, подскакивая на кочках, как необъезженный конь, пытаясь сбросить седока. Но он держался крепко, чувствуя машину каждым своим мускулом.

Его переполнял злорадный восторг — несмотря на жуткую обстановку, он сумел найти то, что поможет вырваться из заражённого города. Им всем надо было идти за мной — Ха-ха-ха-ха, — громко захохотал он.

— А-а-а! Врешь, не возьмешь, — крикнул Дима в окружающую серость, бросая ей вызов. И запел, срываясь на ор:

Белый снег, серый лед,
на растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутном на ней
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом желтый дым,
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом звезды
По имени Солнце...

Свернул в частный сектор коттеджей и по ровной дороге ревел до самого выезда в район многоэтажек, как вдруг резкий удар передним колесом обо что-то выбил его из седла. Он пролетел метров пять. Сильно ободрал левую сторону лица. Мотоцикл перевернулся, шумно грохнулся и продолжал работать, лежа на боку.

Дорога была свободна. Не понимаю.

«Днепр» заглох.

Он лежал, не теряя сознания, чувствуя боль во всем теле. Вставать ему не хотелось. Было такое ощущение, как будто он смертельно устал и было плевать, где лежать.

— Сынок, а когда ты собирался написать обо мне? — прозвучал ему знакомый, но ледяной голос.

Он не мог поверит. Быстро встал, обернулся. Его челюсть отвисла, глаза выкатились, а брови поднялись. Он замер.

Перед ним, сверля его злым взглядом, стояла мать. В каком-то окровавленном рванье, расставив руки, в одной из которых был кухонный нож. словно приготовившись обнять.

— Мама? — дрожащим голосом проговорил он.

— Я же тебе сказала искать работу.

В его голове мысли стали путаться, не находя за что зацепиться. Что с ней? Почему она в крови? Что с сестрой?

— Что с тобой? — прохрипел он, задыхаясь от пронизывающего его ужаса.

— Со мной ничего, ублюдок, а с тобой сейчас будет.

Она подскочила к нему, вонзила нож в живот по рукоять и рванула вверх до самого горла.

Ирен

— Мам, почему ты не хочешь с нами? Я его терпеть не могу.

Послушай, дочь, прежде всего это твой отец. А во-вторых, ты едешь к своим дедушке и бабушке, которых ни разу не видела.

Ирен плюхнулась на кровать, надув губы, схватила со стола книгу Кнута Воннигута «Бойня номер пять» и сделала вид, что читает.

— Доченька, тебе будет очень интересно. Другая страна, люди. После Бийска погостите в Москве у дяди Лёни. Ты даже не заметишь, как пролетит время.

О, только не с моим отцом, он — полный кретин. Надеюсь, не все русские такие. Ей так хотелось это сказать, что еле-еле сдержалась. Мать ей точно залепила бы пощечину.

— Тебе семнадцать лет, — продолжала мать, — это твой последний шанс увидеть своих предков живыми. Потом жалеть будешь, что так себя вела.

— Это его предки а не мои, поняла, — заорала она на мать.

— Ну-ка, хватит! — крикнула мать, и, закрыв руками лицо, заплакала. Плотная, хорошо сложенная, невысокая женщина, стоя посреди комнаты, всхлипывала, подергивая плечами. Ирен было невыносимо больно видеть страдание мамы, она подскочила, обняла её, и начала шептать:

— Мама, ну, не плачь, я больше не буду. Я люблю папу. Он хороший. Я не буду его презирать. Он любит нас и все делает ради нас. Я знаю это. Мама прости, прости, меня.

Мать не могла остановиться. Казалось, слова дочери совсем не успокаивают её, а наоборот, ещё больше расстраивают.

Внизу хлопнула входная дверь. Высокий, с седыми висками, мужчина вошёл в прихожую. Снял плащ, разулся, надел тапочки и прошёл в зал.

Слышно было, как он включил телевизор. Затем прошёл на кухню.

— Ну ладно, доченька, всё нормально. Давай собирай, что нужно. А я к папе, — сказала мать и вышла из комнаты.

Почти всю дорогу они молчали, пока летели из Братиславы в Москву. Только в аэропорту отец спросил, хочет ли она поесть, но она ядовито отказалась. Россия встретила дождем. Поймав такси, они вместе с чемоданами проехали в другой аэропорт и через два часа снова в воздухе. Ирен наблюдала за отцом. Как ему не терпится поскорей попасть на родину. И в ней это вызывало непонятное для неё самой отвращение к нему. В самолете её стошнило, и всё раздражало. Она жутко жалела, что согласилась лететь. А впрочем, всё равно уговорили бы, или заставили бы. В Новосибирске пришлось покупать билеты на поезд. Двенадцать часов в поезде окончательно сбили её с ног, и до самого Бийска она спала беспробудным сном. Ей снилась мать. Веселая. Куда-то всё

звала её. Отец с метлой, веселый, совсем не стыдящийся своей работы. Тоже звал её, наверно, помочь ему, но она всё убегала и убегала.

Родственники встречали шумной группой. Отец кинулся к родителям. Ирен ещё окончательно не проснувшись, на всё смотрела как со стороны. Полноватая пожилая женщина её обняла и как-то неприятно поцеловала. Потом совсем худой старичок уколол её своей щетиной. От него несло табаком и перегаром. Высокий и крепкий мужчина, похожий на её отца сказал:

— Ну, здравствуй, племянница, это дядя Денис, — и крепко обнял.

И молодой парень лет двадцати, его сын Андрей, сказал:

— Привет, сеструха, — тоже обнял.

Ей захотелось, чтобы поскорей всё это кончилось. Пассажиры ручьями, вихрями, расплзались в разные стороны. Шум, непонятные звуки, дым сигарет, плевки, мат. Она закрыла глаза на мгновение, пытаясь хоть немного придти в себя. Бабушка взяла её под руку, и они всей гурьбой двинулись к выходу.

***

Слушай, Ирен, давай к моему отцу на работу. Если он на месте, то точно знает, что делать, — переводя дух говорил Андрей.

— Пойдем. А ты уверен, что он там?

— Не уверен, но, во-первых, до него недалеко и по пути. А во-вторых, вряд ли он оставил бы нас. А в-третьих, — про себя он подумал, что это «во-первых», — мне надо к Марине обязательно.

— Конечно, — согласилась Ирен и спросила.

— А как ты к отцу относишься?

— В смысле? — не понял Андрей.

— У вас хорошие отношения?

— Вполне. Даже можно сказать хорошие.

Внезапно до них докатилось эхом треск мотоцикла. Они принялись смотреть по сторонам, пытаясь понять, откуда идет звук. Неожиданно Андрей обернулся, внимательно посмотрел и побежал.

— Андрей, ты куда, — крикнула Ирен, стоя в непонимание несколько секунд, затем побежала за ним. Она видела, как он нырнул за угол дома. Но когда добежала, то не увидела его. Она оказалась перед гостиницей. Прямоугольное многоэтажное здание, на крыше которого стояли огромные буквы «Гостиница Якорь». Влекомая странным чувством, что это то место, где все разрешится, она направилась к главному входу. Осторожно ступая на каждую ступеньку широкой мраморной лестницы, прислушиваясь и оглядываясь в страхе по сторонам, она поднялась к широким дверям. В холле было так же пустынно, как и на улице, она осмотрелась. Ресепшен, дальше бар-стойка и вход в ресторан. В центре несколько кресел и большой журнальный столик. Четыре кабины лифта в самом дальнем углу. Лифт вдруг звякнул. От неожиданности Ирен вздрогнула. Потом одна из кабин открылась. И из неё вышла её мать, злобно уставившись на Ирен.

— Я здесь не одна, с твоим ублюдком отцом, — вдруг рявкнула она.

И точно: из дверей ресторана вышел её отец. Он смотрел на дочь и улыбался, но как-то отстранено, будто не видя её.

Мать направилась к отцу, говоря дочери:

— Я всегда ненавидела его. Думаю, ты поняла это.

Ирен стояла, не в силах поверить в происходящее. Но то, что произошло дальше, приковало её к месту намертво. Мать в строгом черном костюме на высоких каблуках,

цокая по плитке пола, подошла к отцу. И с размаха ударила ему в грудь. Удар был такой силы, что рука пробила ему грудную клетку. Вытащила руку — она сжимала его сердце.

— Видишь, все ради тебя, — проговорила мать с безумной ухмылкой.

Ирен стало дурно, закружилась голова. Внезапно она вспомнила, как мать плакала при последнем их разговоре перед её отъездом. Ирен почувствовала, что её ненависть к отцу — не её. Она передалась ей от матери. Каким-то образом, как вирусы, летающие по комнатам, Ирен ощущала это презрение, злобу и принимала их за собственные чувства к отцу. При этом она часто ловила себя на мысли, что её неприязнь к нему явно не обоснована, ей неоткуда было взяться. И мать плакала потому, что поняла это и ничего не могла с этим поделать, ненавидя себя, и жалея дочь.

Ирен зажмурилась, надеясь, что всё сейчас пропадет, как сон, дурной сон. Она стояла так минуту, в тишине, даже пытаясь сосредоточиться на чём-то другом, но не получалось. В ней появилась слабая надежда, что всё кончилось. Ирен открыла глаза.

На нее смотрели черные, как тьма, глаза матери. Ирен хотела сказать: «Почему, зачем?» Но не могла. Мать медленно, словно чего-то выжидая, положила ей одну руку на плечо, затем вторую на другое. И сильно сжав их, с нечеловеческой силой рванула в стороны, как лист бумаги пополам. Последнее, о чем подумала Ирен, это был вопрос: «Мама, что ты делаешь?»

Андрей

Медицинский институт находился на краю города, и чтобы добраться туда, Андрею пришлось делать большой крюк через понтонный мост на подаренном отцом джипе. Его разворачивали, когда ремонтировали главный мост через реку Бию, далеко в стороне от основной дороги.

Студенты выходили небольшим потоком, но Марины всё не было. Он несколько раз выходил из машины, потом опять садился в неё. Вдруг решил прибраться в салоне, поискать когда-то потерянный диск, поминутно, даже посекундно подглядывая на вход в институт. «Интересно, что она делает», — думал Андрей, и в его мозгу вспыхивала картина, как Марина мило беседует с каким-то парнем. А, может, и с молодым преподавателем.

«Когда это кончится», — тихо простонав, прошептал он. Он думал о ней безудержно весь день сегодня, вчера, позавчера, с самого момента их знакомства. Её глаза слегка узкие, ровный овал лица, прямой нос, высокий лоб. Её спокойный нрав уживался с твердым характером победителя. И ему так льстила её благосклонность к нему. И больше — любовь к нему. Вспоминая всё это, он чуть не взвыл от желания обладать ею. Андрей чувствовал, еще немного и он ворвется в проклятый институт и как зверь будет рыскать, ища свою любовь.

Да! Как жуткий неотесанный зверь, И она, такая прекрасная, нежная, любит его такого зверя и в силах укротить. Ты сходишь с ума. Беспокойство переполняло его. Он снова вышел, сильно хлопнув дверцей. Пошёл было ко входу, но остановился на полпути, чувствуя, что не контролирует себя и может натворить дел, вернулся к машине. Однако, сознавал — долго не сможет себя сдерживать, достаточно одной малейшей искорки и всё. Он бросится на что угодно, лишь бы увидеть её, прильнуть к ней, обнять. Нервно роюсь в бардачке салона машины, нашёл пачку сигарет, распечатал. Вытащил сигарету, опять порывлся в бардачке, схватив зажигалку, мельком заметив тюбик с таблетками, прикурил. На долю секунд почувствовал себя свободным от этой поглощающей его страсти. И понял, вряд ли это последняя сигарета. Докурив, обреченно, из того же бардачка, достал

тубик с таблетками. «Вот я и бросил курить и глотать колеса». Зубами открыл пластиковую бутылочку. Сыпанув на ладонь две таблетки, кинул их в рот. Все его усилия двухмесячного воздержания от наркотиков разрушились, как будто с таким трудом возведенный домик при первой же серьёзной буре полетел в тартарары. А ну и черт с ним. Андрей закрыл глаза, откинул голову назад и предался тёмным водам кайфа. А как же Марина? Она поймет. Если узнает, догадается, а может, я сам скажу ей. Да все это, не то. Я же только один раз.

****

Неожиданно, краем глаза Андрей заметил в конце дома движение. Приглядевшись, он отчетливо увидел, как Марина зашла за угол дома, она была в своем розовом платье, которое так ему нравилось. Не сказав ни слова Ирен, стоявшей рядом, он как очумелый помчался за мимолетным видением. Сердце рвалось из груди, отдаваясь в висках. Мысли закружились вокруг радостного предвкушения встречи. И вроде стало не так страшно. Хотя тяжесть, горькое томление, которое все норовило вывернуть душу наизнанку, немного трезвило, словно говоря «не верь, иди за стариком». Он тяжело вздохнул, ускоряя бег, подумал: «Куда это она?». Вот он минул угол дома. Пересек парк. И вдалеке у трамвайных путей увидел её. Трудно различимые черты её легко дописала память. Не помня себя, он несся, как ветер, которого здесь не было. Да я и есть ветер, тот которого здесь недостает. Он уже подбегал, когда она пошла дальше.

«Не понял, — подумал Андрей, — какого...?»

— Мари-и-н, ты куда, Марина-а-а-а? — крикнул так громко, как никогда в жизни не кричал. Когда он достиг трамвайных путей, она брела в сторону частных домов. Медленно, наклонив голову вперед, как будто разглядывая дорогу. Может, обижена на меня.

— Марин, да что с тобой? — он нагнал её и хотел было схватить за плечо и развернуть, как она остановилась. Андрей только сейчас разглядел её босые ноги. Спина как-то странно была перекошена: одно плечо выше другого. Кисти рук по локоть в крови, которая капала в пыль, оставляя небольшой след на земле. Его мысли столкнулись, спутались, потеряли способность парить. Он невольно открыл рот, не зная, что сказать. И простоял бы так вечность, если бы она не повернулась.

— Ты что думал, что я пай-девочка? — злобно ухмыляясь, сказала она, — у всех свои тайны.

Она наотмашь ударила его рукой в лицо. Андрей упал. Кровь хлынула из носа, Он шокированный происходящим, то пытался подняться, то замирал на месте. Марина ударила его ногой в лицо, он откинулся, ударившись затылком о землю. Она взяла его руку и потащила за собой как огромную куклу!!!!!! Андрей смотрел на неё остекленевшими глазами, силясь понять происходящие. Его выбили из жизни в незнакомое пространство, и он никак не мог нащупать опору. Она остановилась, повернулась к нему, достала из кармана так знакомый ему пластиковый пузырек.

Может, это поможет тебе придти в себя, — сказала она.

Сняв крышку и наклонясь, отрыла ему рот, высыпала все содержимое. Затем кулаком ударила его по переносице. Уставившись на него, как будто чего-то ожидая, занесла кулак для нового удара. Андрей, ничего не понимая, жалобно посмотрел на неё, и хотел спросить: «За что?», но тут на него обрушились страшные удары и его разум погас.

Олег

Олег сидел в своей комнате, уставившись в монитор компьютера, смотрел дешёвый фильм, скаченный с Интернета. Фильм ему не нравился, он просто хотел уйти от гнетущих его мыслей о матери. О том, что делать? Как помочь? Не находя ответов, мучился страшно, вплоть до несуразного бреда, вызванного большей частью голодом и обезвоживанием. Четвертый день он не ел и не пил. Понимая, что этим он точно не поможет своей матери, а только сделает хуже. И сегодня вечером он обязательно должен идти к ней, навестить. Он попил воды, начал жевать хлеб. Решив больше не сходить с ума, а стараться быть в курсе происходящего с матерью. Выяснить у врача, насколько это опасно для её жизни. И во что выльется перенесенный ею инсульт. Он закрывал глаза и четко видел маму, лежащую на больничной койке. Левая нога и рука парализованы. Одна сторона лица искажена, как бы стянута к шее. Чтобы понять, что она говорит, надо прислушиваться, привыкая к её произношению. Тяжело дыша, пытается ему что-то сказать, торопится, боясь не успеть. Олег резко встал и хотел со всей силы ударить по монитору, но в последний момент сдержал себя. Это нечего не изменит. Мать так верит в Бога и почему Он ей не помог. Он прошёл на кухню, включил чайник, сел за стол. В этот момент он так захотел выпить, аж во рту появился привкус сладости, а по телу прошла почти незаметная волна блаженства. Вдруг он оборвал себя, ударив до боли кулаком об стол. «Нет, падла. Мать столько слез выплакала. Денег в него вбухала. Из церкви не вылазила».

Чайник закипел и отключился. Олег сидел, потирая ладонь. Потом закрыл лицо руками, тяжело вздохнул и заплакал.

*****

Унылый пейзаж города и жуткая тишина завладели Олегом. Он ощущал скорое разрешение ситуации, и совсем не был готов ни к одной развязке. Даже представить не мог, что произойдет в следующую минуту. Он думал, хорошо было бы найти микроавтобус. Наверняка, тяжелобольных бросили. Странно, но это так. Пытаются спасти самых здоровых, то есть нужных. Это закон природы? Или выбор разума? А выбор сердца?

Он шёл по улице мимо так знакомых домов, магазинов. Мимо кинотеатра, в который совсем недавно ходил с Юлей, очень привлекательной девушкой. Теперь пустота города таила в себе страшную тайну, которая рано или поздно раскроется перед ним. Он подумал о старике и ему он показался каким-то знакомым, будто раньше видел его. Но где, не мог вспомнить. Неожиданно он услышал совсем рядом рычание. Вздрогнул, но резко пресёк внутреннюю панику, вспомнив о матери: «Мне надо во что бы то ни стало добраться до больницы». Олег сжал кулаки и стал осматриваться. С правой стороны, у безжизненного корявого тополя, на него пялился черный здоровенный пёс. Он рычал, в свирепом оскале обнажив гигантские клыки. Короткая шерсть, длинный хвост, как у крысы. И с... человеческими ушами. Пес стоял на месте. Медленно, но потом всё быстрее увеличивая шаг, Олег двинулся, искоса следя за животным. Пройдя метров сто, он обернулся. Псина стояла в десяти метрах и сверлила его злобным взглядом. Он смотрел на него несколько минут, не зная, как реагировать. Стоит ли обороняться или просто идти дальше совсем другой дорогой. В конце концов, собаки всегда так делают. Привяжутся к прохожему и следуют за ним, пока что-нибудь не перебьёт их внимание. Но это не простая собака, думал он. Её взгляд был пропитан интеллектом. Она не просто хотела укусить, а ожидала какой-то развязки, причем в сильном нетерпении, переступая с одной лапы на другую, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и при этом не сводила с него взгляда. Пока он смотрел на неё, страх заполнял каждую трещинку его души. Ему хотелось только одного — поскорей убраться от неё подальше. Я просто пойду, не буду оборачиваться, а где будет возможность среди проулков, я побегу. Он плохо представлял

себе это. Но надо было что-то делать. Наконец он сдвинулся с места, повернувшись к псине спиной и быстрым шагом двинулся в сторону сгрудившихся домов, которые образовали район улочек и двориков со множеством детских площадок. Если пройти его насквозь, то как раз выходишь к больнице. Он еле сдерживал себя от панического порыва перейти на стремительный бег. Страх мучил его, не давая нормально думать, принимать решения, он гнал его, заставляя становиться безумным, быть добычей. В конце концов, я не кролик не подопытная мышь. Ему казалась, за ним идет уже не одна псина. Они пронизывают его своими взглядами, и он чувствует это всем своим нутром. Он мельком обернулся. Никого. Олег остановился, но внезапно увидел несколько собак, они словно прятались от него, следуя за ним полукругом с разных сторон. Он понял: «Я — кролик, они загоняют меня как добычу на охоте». И не выдержал, рванул с места со всей силы. До больницы было метров восемьсот зигзагов, заборов и дворов. Несколько раз падая, ободрал колени, руки. Чуть не напоролся на пику, перемахивая через железную ограду, но добежал. Задыхаясь, влетел в приемный покой. Пустынность его не удивила. Он прошёл по коридору до лестничного марша и вбежал на третий этаж. Дверь в отделение была распахнута. На ней были кровавые отпечатки ладоней, будто кто-то в истерике ломился в запертую дверь. Яркое освещение ударило по глазам. Его охватил ужас. И медленное понимание того, что здесь произошло, сковало невыносимым страхом. По всему огромному коридору валялись части человеческих тел. Где-то в одной из палат он слышал крики ужаса. Стены в кровавых пятнах отпечатках, брызгах. Кто-то устроил настоящую бойню, и продолжал это делать. Его захлестнула волна паники — надо бежать. Но ноги не слушались. Ужас наполнял его, медленно доводя до безумия. Из дальних распахнутых дверей палаты визжа, выбежала окровавленная женщина. Её растрепанные волосы болтались как веревки, отяжелевшие, пропитавшиеся кровью. В больничной серенькой пижаме, она умоляюще кричала в отчаянии, не зная, куда бежать. За ней выскочила другая женщина. И Олегу показалась, что его разум не выдержал, и он сошёл с ума. Это была его мать. Ловко двигаясь, как пантера, она настигла жертву, толкнула её и огромным топором рубанула упавшую, как мясник начала разделявать тушу. Кровь хлестала в стороны. Она отбрасывала отрубленные части и продолжала в безумной агонии. Закончив, тяжело дыша от усталости, медленно повернулась к Олегу. Худощавое лицо с впалыми глазами, некогда выражающее добродушие, теперь скривилось в холодной гримасе улыбки.

— Иди ко мне сынок, — выдохнула она ледяным тоном.

Невероятным усилием воли Олег бросился, не помня себя, к двери, на лестницу вверх. Мать мчалась за ним, размахивая топором, издавая звуки как при тяжелом усилии. Он минул четвертый — она нагоняла, пятый — она почти рядом. Вот несколько ступеней и дверь на чердак, а там по крыше и, может, и уйти удастся. Он даже не думал, мысли сами складывались, он лишь следовал им. Но вдруг доли секунд растянулись, он уже взялся за ручку двери и замер. «Что я делаю?» — в нем как будто вскипела злость. «До каких пор я буду убегать, я устал бояться». Пред его глазами в мгновение ока, будто кино, пробежала его жизнь. Те моменты, когда он трусил, не решался на что-то хорошее, важное, потому что боялся, убегал. От старших, взрослых, сверстников, от всех, кто сильнее. В нем поднялось настоящее возмущение. Он повернулся лицом к несущейся на него матери, занесшей топор над головой и тихо, но достаточно, чтобы его услышали, сдвинув брови, сказал:

— Ты не моя мать. Я устал бегать.

И закрыл глаза.

Все стихло. Он наконец открыл глаза. Никого. Страх больше нет. Только сильное ощущение победы внутри, где-то там, в груди, аж до приятного жжения. Он медленно спустился, вышел на улицу. И увидел старика. Того самого. Согнутого пополам, с палкой,

на которую опирался. Он молчал. Молчал и Олег. Он чувствовал, что слова не нужны. Старик все знает. Он и предупреждал их ещё с самого начала о той лжи, которая убивает. Олег знал, что сейчас они пойдут туда, куда старик когда-то указывал. И они пошли. Олег чувствовал радость старика и даже какую-то гордость за него. И он хотел плакать. От счастья, что это ложь, а не его мать. От того, что он освободился от тяжёлого камня на душе. И от того, что чувствовал себя настоящим воином, победившим нечто очень страшное.

Они ступили на ступени храма, и свет залил все вокруг, он держал ладонь старика в своей ладони, и невыразимое счастье переполняло его...

Боль, прокатилась по всему его телу и осталась гудеть, давить, крутить. Скорчившийся на полу между передними и задним сиденьем джипа, он открыл глаза. Некоторое время приходил в себя и понимание того, что произошло, всплывало на поверхность.

Выбравшись из машины, он дополз до трассы и зарыдал. Перед глазами стояли его друзья. Вернее то, что от них осталось. Он вспомнил, как они, горланя песню, ничего не замечали вокруг. Андрей на большой скорости хотел обогнуть ветку на дороге, и их занесло, сорвало в глубокий, заваленный каким-то строительным хламом, овраг.